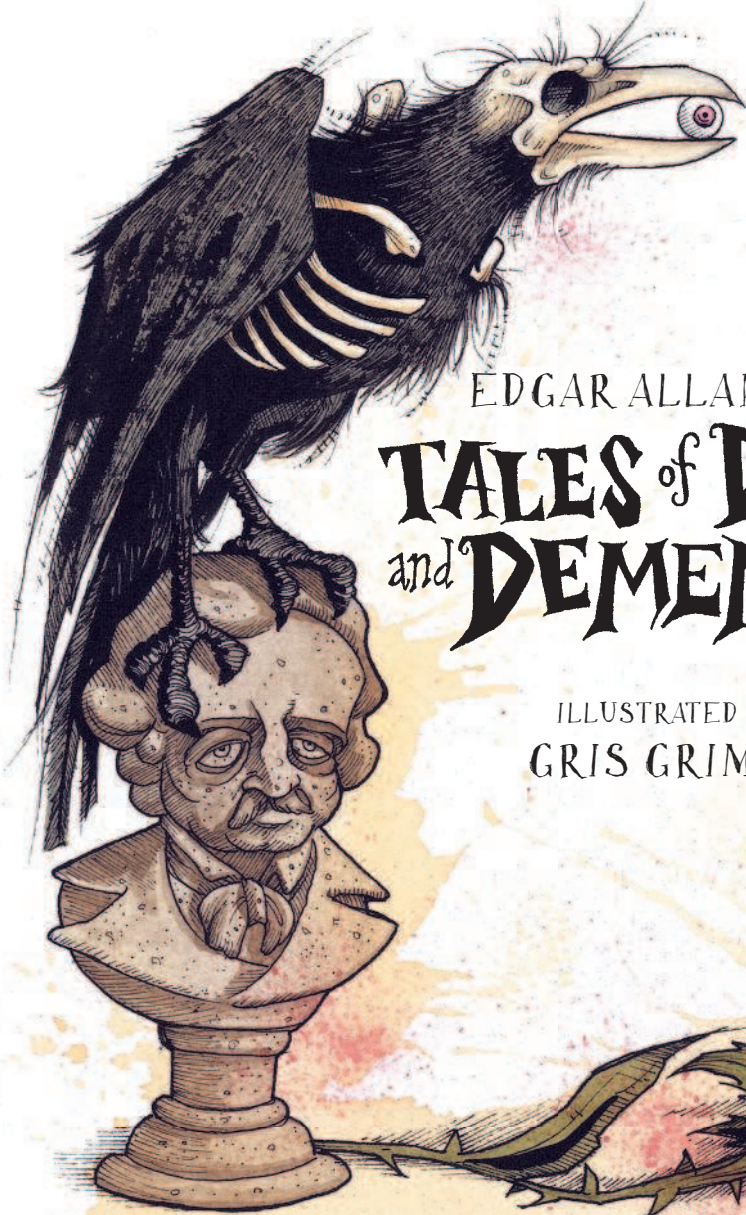
A black crow is perched on a dark, gnarled tree branch. Several autumn leaves in shades of orange and yellow are scattered around the tree. The background is white with small black speckles.

Молвил Ворон:
« НИКОГДА ».

**СКАЗКИ
О СМЕРТИ
И ЗДЬВЕНИИ**

EDGAR ALLAN POE'S
**TALES of DEATH
and DEMENTIA**

ILLUSTRATED BY
GRIS GRIMLY

A dark, skeletal bird with a human-like eye and a snake coiled around its neck is perched on a stone bust of a man with a mustache. To the left is a green bottle with a cork and a red rose with thorns. The background is a light, textured wash of yellow and white.

ЭДГАР АЛЛАН ПО

СКАЗКИ СМЕРТИ и ЗАБВЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАТОР
ГРИС ГРИМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Сердце — обличитель

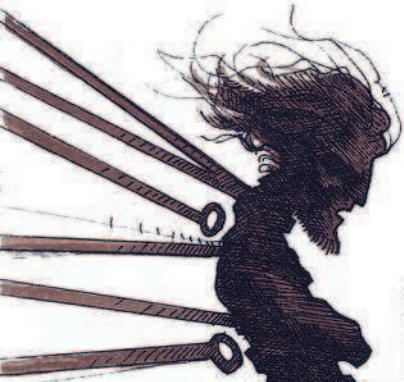

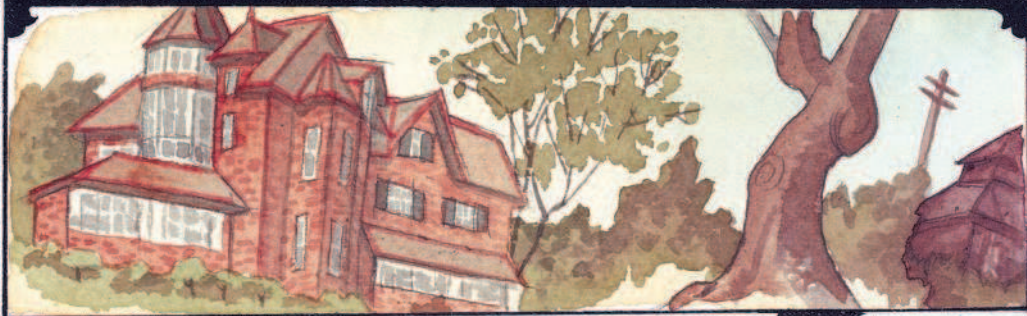
Правда! Я нервный — очень даже нервный, просто до ужаса, таким уж уродился; но как можно называть меня сумасшедшим?

От болезни чувства мои только обострились — они вовсе не ослабели, не притупились. И в особенности — тонкость слуха. Я слышал все, что совершалось на небе и на земле. Я слышал многое, что совершалось в аду. Какой я после этого сумасшедший?

Сам не знаю, когда эта мысль пришла мне в голову; но, явившись однажды, она уже не покидала меня ни днем, ни ночью. Никакого повода у меня не было. И бешенства я никакого не испытывал. Я любил этого старика. Он ни разу не причинил мне зла. Ни разу не нанес обиды. Золото его меня не прельщало.

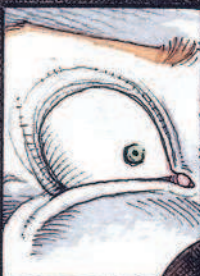

Пожалуй, виной всему был его глаз!

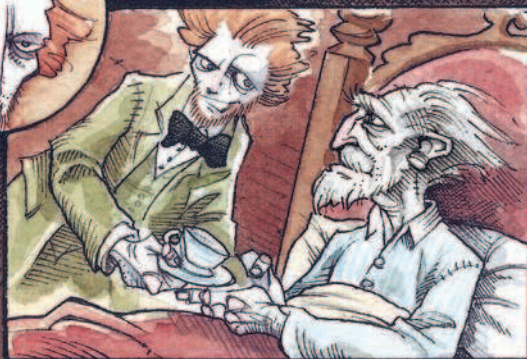

Да, именно! Один глаз у него был как у хищной птицы – голубоватый, подернутый пленкой.

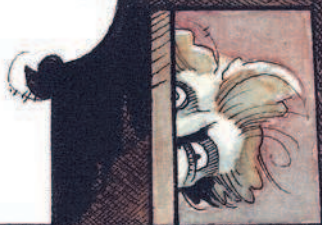
Стоило ему глянуть на меня, и кровь
стыла в моих жилах; мало-помалу,
исподволь я задумал прикончить
старика и навсегда избавиться
от его глаза.

В этом-то вся суть. По-вашему, я сумасшедший. Сумасшедшие ничего не соображают. Но видели бы вы меня. Видели бы вы, как мудро я действовал — с какой осторожностью, с какой предусмотрительностью, с каким искусным притворством принялся я за дело!

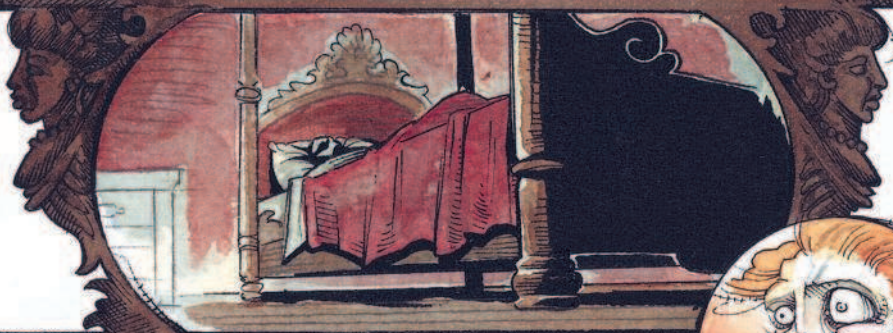

Всю неделю, перед тем как убить старика, я был с ним сама любезность. И всякую ночь, около полуночи, я поднимал щеколду и приотворял его дверь — тихо-тихо! А потом, когда в щель могла войти моя голова, я вводил туда затемненный фонарь, закрытый наглухо, так плотно, что и капли света не могло просочиться, а следом засовывал и голову.

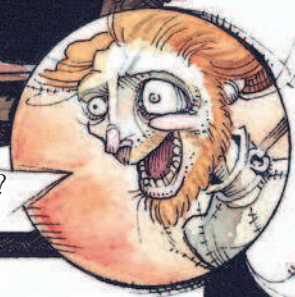

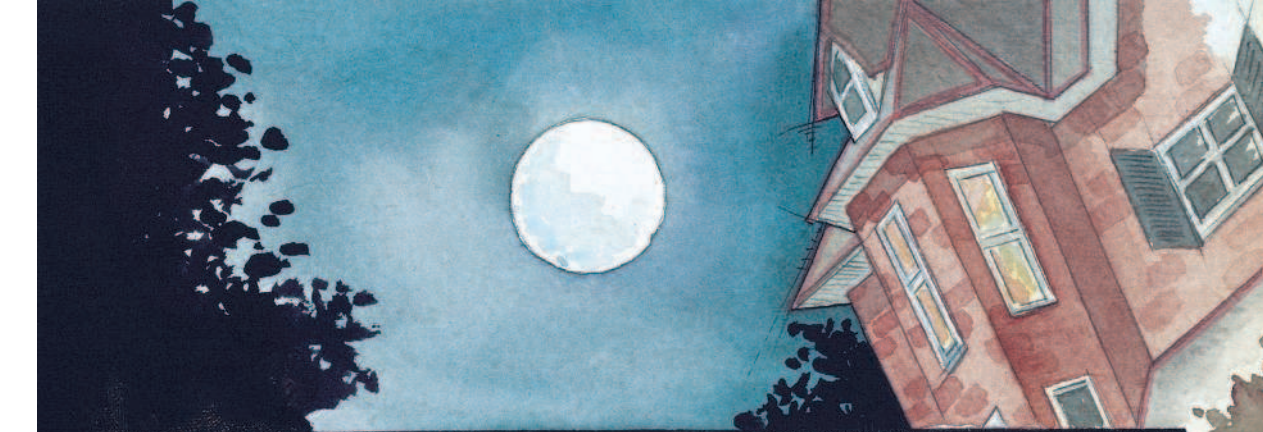
Ах, вы не удержались бы от смеха, если б видели, до чего ловко я ее засовывал! Я делал это медленно — очень-очень медленно, чтобы не потревожить сон старика. Лишь через час голова моя оказывалась внутри, так что я мог видеть старика на кровати.

Ха!.. Да разве мог бы сумасшедший действовать столь мудро?

А когда моя голова проникала в комнату, я открывал фонарь с осторожностью — с превеликой осторожностью, — открывал его (ведь петли могли скрипнуть) ровно настолько, чтобы один-единственный тоненький лучик упал на птичий глаз.

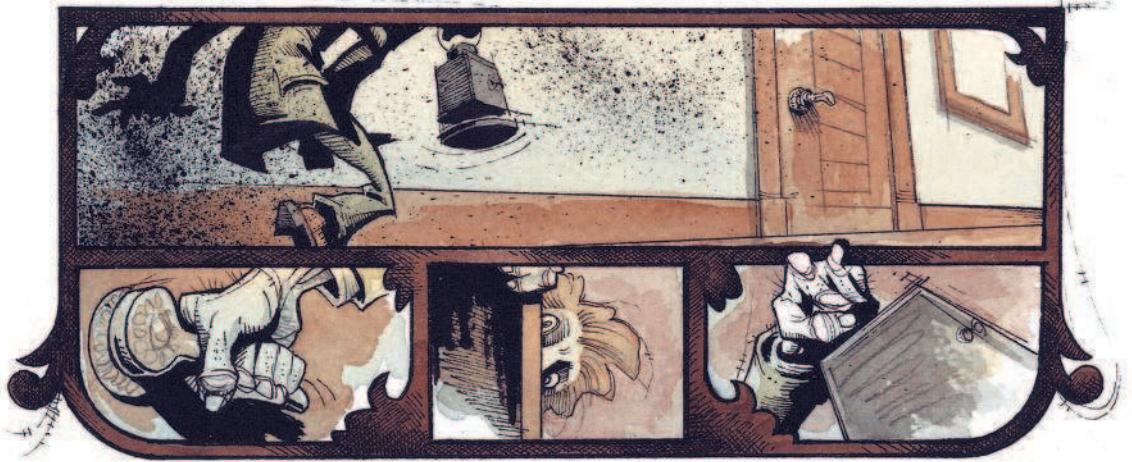

И все это я проделывал семь долгих ночей — всегда ровно в полночь, — но глаз неизменно бывал закрыт, и я никак не мог покончить с делом, потому что не сам старик досаждал мне, а его дурной глаз.

И всякое утро, когда светало, я преспокойно входил в комнату и без робости заговаривал с ним, приветливо окликал его по имени и справлялся, как ему спалось ночью. Сами видите, лишь очень проницательный человек мог бы заподозрить, что каждую ночь, ровно в двенадцать, я заглядывал к нему, пока он спал.

На восьмую ночь я отворил дверь с особенной осторожностью. Рука моя скользила медленней, чем минутная стрелка на часах. До той ночи я никогда еще так не упивался своим могуществом, своей прозорливостью.

Я едва мог сдерживать торжество. Подумать только, я потихоньку отворял дверь, а старику и во сне не снились мои тайные дела и помыслы. Когда это пришло мне на ум, я даже прыснул со смеху, и он, верно, услышал, потому что вдруг шевельнулся, потревоженный во сне. Вы, может быть, подумаете, что я отступил, — но ничуть не бывало. В комнате у него было темным-темно (он боялся воров и плотно закрывал ставни), поэтому я знал, что он не видит, как приотворяется дверь, и потихоньку все налегал на нее, все налегал.

Я просунул голову внутрь и хотел уже было открыть фонарь, даже нащупал пальцем жестяную защелку, но тут старик подскочил, сел на кровати и крикнул:

«Кто там?».

Я затаился и молчал.

Целый час я простоял не шелохнувшись, и все это время не слышно было, чтобы он опять лег. Он сидел на кровати и прислушивался — точно так же, как я ночь за ночью прислушивался к бессонной гробовой тишине в четырех стенах.